

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ПОИСКАХ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ *ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА**

НИКОЛАЙ ЮДИН

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Серьёзная академическая дискуссия, тем более посвящённая специально теоретико-методологическим проблемам современных международных исследований, — редкий гость на страницах зарубежных, не говоря уже об отечественных, научных журналов. Тем более ценными и важными представляются дебаты, начало которым положила яркая полемичная статья видного российско-го специалиста-международника А.В. Фененко, опубликованная в журнале «Международные процессы» в 2018 году. Формально в центре внимания этой статьи, равно как и последовавших в ответ на неё работ Д.А. Дегтерёва, И.А. Истомина, А.А. Байкова и К.К. Худолея, находится давний спор между сторонниками количественных и качественных методов международно-политических исследований. Между тем, как представляется, и само содержание этой дискуссии, и выводы, к которым она позволяет прийти, гораздо шире и глубже, чем чисто инструментальный спор о методах. Для того чтобы обосновать этот тезис, в рамках данной статьи предлагается взглянуть на указанный спор и, шире, на современное состояние теории международных отношений через призму методологии критического реализма. В первой части статьи рассмотрены аргументы участников указанной дискуссии, показано, что они склонны акцентировать внимание на второстепенных, технических аспектах спора о методах, несколько затушёвывая его центральную проблему — какими должны быть международные исследования, чтобы иметь право называться наукой. Вернуть эту центральную проблему в фокус анализа и представить новый взгляд на возможности её решения позволяет рассмотрение современной ТМО с позиций критического реализма, предпринятое во второй части. Критические реалисты утверждают, что в основе всех господствующих в настоящий момент в ТМО подходов лежит позитивизм, а точнее — юмовский эмпириокритицизм. Именно этим обстоятельством, по мнению критических реалистов, в значительной мере объясняется фундаментальная ограниченность эпистемологических возможностей и прикладного потенциала современных международных исследований. В качестве альтернативы этим подходам они предлагают опереться на идеи основоположника критического реализма, британского философа Р. Бхаскара. В третьей части статьи описаны ключевые онтологические и эпистемологические положения критического реализма, включающие в себя принципиальное

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00088.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2020

Дата принятия к публикации: 01.07.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: nicolas.yudin@gmail.com

признание существования реальности до и вне человеческой деятельности, восприятие этой реальности как сложной стратифицированной и многослойной структуры и связанные с этим специфические представления о природе каузальности и возможных пределах познания и прогнозирования социальных процессов и явлений. При этом данное исследование далеко от безусловной апологии критического реализма. В четвёртой части рассмотрены некоторые недостатки, присущие современным трактовкам критического реализма в контексте изучения международных отношений, к которым можно отнести прежде всего статичность его методологии, половинчатость и непоследовательность выводов и предложений. В этом контексте автор заключает, что главная заслуга критического реализма в настоящий момент состоит не в том, что он предлагает готовые ответы на основные вопросы современной ТМО, в том числе о методах международных исследований, а в том, что он недвусмысленно показывает, где эти ответы стоит искать: в развитии материалистических подходов и теорий.

Ключевые слова:

теория международных отношений; вторые большие дебаты; количественные методы; критический реализм; Р. Бхаскар; неореализм; конструктивизм; позитивизм; материализм.

В 2018 г. в журнале «Международные процессы» была опубликована яркая полемичная статья видного российского специалиста-международника А.В. Фененко, в которой он осветил ряд рисков, сопряжённых с чрезмерным увлечением количественными методами в международно-политических исследованиях [Фененко 2018]. Ответная реакция не заставила себя ждать, и уже в 2019 г. увидела свет публикация не менее признанного отечественного специалиста в области количественных методов Д.А. Дегтерёва [Дегтерёв 2019], за которой последовала коллективная работа И.А. Истомина, А.А. Байкова и К.К. Худоля [Истомин, Байков, Худолей 2019]. Все эти авторы выступили с развёрнутой аргументацией в защиту количественных методов как перспективного инструмента международных исследований, а также указали на ряд противоречий в положениях А.В. Фененко.

Такого рода полемика, ведущаяся по всем правилам академической дискуссии, к сожалению, становится всё более редким явлением как в зарубежных, так и в отечественных научных журналах. Тем более ценными, важными и полезными являются настоящие дебаты. В рамках настоящей статьи автор представляет альтернативный взгляд на суть данной полемики, которая не была достаточно чётко обозначена её участниками. Он предлагает посмотреть на её предмет под новым и, может быть, неожиданным углом зрения.

Дальнейшее изложение будет выстроено следующим образом. В первой части статьи представлен краткий обзор полемики, развернувшейся на страницах журнала «Международные процессы». При этом автор не ставит целью осветить все нюансы позиций её участников. Здесь будет приведён авторский взгляд на содержание этой дискуссии, подсвечены те сюжеты, которые не получили в ней должного освещения, но которые, однако, являются принципиально важными для понимания как сути спора о методах в теории международных отношений, так и современного состояния международных исследований в целом. Речь пойдёт прежде всего о проблеме недостаточной отрефлексированности базовых философских оснований современной ТМО. Именно эти основания, онтологические и эпистемологические, станут центральным предметом рассмотрения в данной статье. В качестве методологической основы использованы построения представителей так называемого критического реализма. Во второй части статьи проанализированы взгляды критических реалистов на ключевые особенности парадигмальных подходов в западной ТМО, в третьей — более подробно разобраны их представления об объекте, целях и возможностях международных исследований, перспективе их превращения в полноценную научную дисциплину. Следует отметить, что хотя методология критического реализма уже не раз становилась предметом рассмотрения в работах отече-

ственных и зарубежных авторов, как правило, они ограничивались её общим описанием [Лоусон 2006; Фигура 2012a, 2012b]. В четвертом разделе содержится развернутая критика современных интерпретаций критического реализма, которая позволила выявить ряд их существенных недостатков.

Таким образом, данное исследование преследует сразу несколько целей: *во-первых*, на основе методологии критического реализма представить новый взгляд на полемику, инициированную статьёй А.В. Фененко; *во-вторых*, подвергнуть критическому анализу построения самих критических реалистов и, наконец, обозначить перспективные направления для дальнейших поисков научных оснований международных исследований.

1

Формально в центре развернувшейся дискуссии оказался комплекс вопросов о роли и значении количественных методов в международно-политических исследованиях, перспективах их применения и трудностях, с этим сопряжённых. Именно на этой, формальной, стороне вопроса сделали акцент авторы, выступившие в защиту количественных методов. В частности, Д.А. Дегтерёв, в несколько дидактической манере, представил краткий обзор истории становления и современного состояния данного направления в России и за рубежом, а также новейших методов количественного анализа. Тем самым он постарался дать аргументированный ответ на ряд полемических утверждений А.В. Фененко относительно методологии и практической полезности некоторых международных индексов и рейтингов [Дегтерёв 2019: 44–56]. Отчасти такой же дидактический характер носит и апология количественных методов, представленная в статье И.А. Истомин, А.А. Байкова и К.К. Худолей. В ней содержится обзор современных методов и методик количественного анализа, показано, что некоторые критические аргументы А.В. Фененко, с одной стороны, не учитывают новейших достижений в данной области, а с другой — отличаются внутренней

противоречивостью [Истомин, Байков, Худолей 2019: 76–79].

Как представляется, подобным поворотом рассматриваемая дискуссия во многом обязана тому, что изначальный фокус критики самого А.В. Фененко (возможно, в целях инициации дискуссии) оказался смещённым в сторону аргументов нормативно-идеологического характера. В частности, в качестве исходного тезиса в его статье фигурирует, по меньшей мере, спорное утверждение, что корректное использование количественных методов возможно лишь при наличии среди исследователей консенсуса по ряду сугубо ценностных вопросов [Фененко 2018: 57–58]. Убедительность данного тезиса даже только в рамках логики рассматриваемой статьи вызывает вопросы: почему данное требование предъявляется только к количественным методам? применимо ли оно к сравнительно-историческим методам? если нет, то почему? Отчасти эти вопросы поднимают авторы ответной статьи [Истомин, Байков, Худолей 2019: 73–75].

В то же время, парируя тезисы А.В. Фененко, его оппоненты в значительной мере упускают ключевую идею его высказывания, которая отсылает ко «вторым большим дебатам» в теории международных отношений и которая выходит далеко за рамки дискуссии о методах. Речь идёт о фундаментальном вопросе, *что* составляет содержательное ядро науки о международных отношениях, *какими* должны быть международные исследования, чтобы иметь право считаться наукой в принципе. В этом отношении А.В. Фененко выступает критиком имплицитно или эксплицитно присущего многим сторонникам количественных методов пафоса, что именно через квантификацию международных процессов и явлений лежит путь к подлинно научному их познанию, избавлению их от излишнего субъективизма и политической ангажированности, приведению их в соответствие с требованиями естественно-научных дисциплин.

В этом контексте ключевым аргументом А.В. Фененко, который не получает убедительного ответа в статьях его оппонентов,

стал тезис о фундаментальной аисторичности (если не сказать — антиисторичности) объяснительных моделей, лежащих в основе многих исследований, построенных на использовании количественных методов, и научных гипотез, из подобных исследований вытекающих. В частности, А.В. Фененко на ряде конкретных примеров убедительно показывает проблематичность изучения феномена войны как некой абстрактной категории вне конкретного исторического контекста [Фененко 2018: 66–70]. Именно против подобного выхолащенного, лишённого конкретно-исторической привязки восприятия таких ключевых политических и социальных феноменов, как государство, суверенитет, демократия, власть (к чему склонны в силу самой специфики своего метода количественные исследования), а не количественных методов как таковых, выступали и выступают многие сторонники «традиционного историко-нарративного, или логико-интуитивного» подхода, которых И.А. Истомин, А.А. Байков и К.К. Худолей несколько высокомерно относят к исследователям, представляющим дисциплину «международные отношения» лишь номинально [Истомин, Байков, Худолей 2019: 64–65].

В конечном счете и статья Д.А. Дегтерёва, и статья И.А. Истомина, А.А. Байкова и К.К. Худолея сводятся к простому обоснованию тезиса, что количественные методы имеют право на существование в рамках международных исследований; тезиса, который принципиально не отвер-

гает ни А.В. Фененко, с которым они непосредственно полемизируют, ни вообще любой здравомыслящий учёный. Что же касается тех по-настоящему фундаментальных теоретических вопросов, которые в той или иной форме были подняты в работе А.В. Фененко, то эти статьи содержат ответы насколько формально правильные, настолько содержательно банальные и неинтересные: что в рамках изучения международно-политических проблем надо стремиться к поиску путей плодотворного сочетания, синтеза количественных и качественных методов; что надо развивать диалог между представителями различных подходов [Истомин, Байков, Худолей 2019: 66–67, 69–70, 84]; что все операции в рамках математического моделирования должны проводиться корректно и точно и при необходимости адаптироваться к конкретным задачам путём введения новых переменных, усложнения модели и т.д. [Дегтерев 2019: 48–49]; что в основе любого исследования (количественного или качественного) должны лежать корректные предпосылки [Дегтерев 2019: 55] и т.д. Тем не менее если бы всё было так просто, то мы бы, наверное, никогда не столкнулись со «вторыми большими дебатами», а современные исследования международных отношений не переживали бы того глубокого кризиса, в котором они находятся сейчас и на который всё чаще обращают внимание эксперты как в России [Цыганков А.П., Цыганков П.А. 2019: 9], так и за рубежом [Mattern 2008; Mearsheimer, Walt 2013]¹.

¹ Здесь можно было бы возразить, что подобный диагноз является преждевременным и надуманным, что международные исследования развиваются вполне успешно, вовсе не демонстрируя никакого «кризиса». Активно развиваются региональные исследования, в сферу внимания экспертов попадают всё новые аспекты и измерения мировой политики, приумножая знания об окружающей действительности. Более того, нет недостатка в продуктивных концепциях, доказавших свою прикладную полезность, когда речь заходит об осмыслении и интерпретации тех или иных мирополитических процессов, политики глобальных и региональных игроков. Действительно, если говорить о прикладных теориях, теориях среднего уровня, за последние десятилетия международные исследования обогатились целым рядом интересных концепций. В то же время все эти факты не отменяют более масштабной проблемы, связанной с кризисом общих теорий международных отношений, теорий, призванных давать системный ответ на самые фундаментальные, базовые вопросы об объекте, целях и возможностях науки о международных отношениях. На эту проблему рано или поздно наталкивается любое частнонаучное исследование, когда речь заходит о выходе на более широкие обобщения; эта проблема объясняет значительную часть трудностей, связанных с попытками построения международно-политических прогнозов.

Чего не хватает этим формально правильным ответам, так это указания на пути возможной инструментализации содержащихся в них благих идей: как именно, на основе каких теоретических принципов и установок можно достичь плодотворного синтеза количественных и качественных методов, как именно можно подвести под международные исследования прочные научные основания, что именно составляет суть науки о международных отношениях.

Проблема в том, что удовлетворительно-го ответа на эти вопросы не содержится и в статье А.В. Фененко. Его ответ на них сводится, по сути, к апологии качественных, сравнительно-исторического и нормативного (документального), методов. Принимая во внимание современный уровень научной рефлексии с использованием этих методов, они также едва ли могут рассматриваться в качестве некой панацеи. Более того, если и говорить о кризисе современных международно-политических исследований, то именно представители качественных методов внесли в его возникновение решающий вклад.

Без ответа на поставленные вопросы невозможно не только конструктивное разрешение спора между сторонниками количественных и качественных методов в международных исследованиях, но и само их успешное развитие в направлении полноценной научной дисциплины в целом.

В то же время решение этой задачи представляет собой нетривиальную научную проблему, поскольку речь идёт о том, чтобы сделать предметом критического анализа самые устоявшиеся, привычные, кажущиеся естественными положения современной теории международных отношений. Это, в свою очередь, предполагает возможность выйти за её рамки, посмотреть на неё со стороны под принципиально новым углом зрения, который может обеспечить качественно иная философская картина мира, иная философия науки. Далее будут рассмотрены возможности так называемого критического реализма выступить в качестве такой альтернативы.

Выбор критического реализма обусловлен несколькими соображениями. *Во-первых*, подчёркнутое внимание анализу философских (онтологических и эпистемологических) оснований современных социально-гуманитарных исследований в целом и международных исследований в частности является визитной карточкой данного философского направления: оно как будто создано для решения обозначенных выше проблем. *Во-вторых*, его сторонники постарались использовать этот потенциал и смогли представить развёрнутую критику доминирующих в современной западной ТМО подходов и концепций. *В-третьих*, представители критического реализма не ограничились критикой, но постарались также наметить пути для преодоления проблем, накопившихся к настоящему моменту в международных исследованиях, превращения последних в полноценную науку.

2

Основные положения критического реализма были сформулированы британским философом Роем Бхаскаром во второй половине 1970-х годов [Bhaskar 1975, 1979]. Сторонники философии критического реализма (а речь идёт, по их мнению, именно об особой философии, а не о частнонаучной теории [Joseph, Wight 2010: 2, 16]) жёстко противопоставляют его идеи и принципы парадигме, доминирующей в современном западном социально-гуманитарном знании.

В контексте проблематики исследований международных отношений сторонники критического реализма утверждают, что в основе всей западной ТМО, всех доминирующих в ней на настоящий момент подходов (от реализма в различных его проявлениях до либерального институционализма, конструктивизма и постмодернизма вообще) лежит позитивистская философская традиция [Joseph, Wight 2010: 18; Yalvaç 2010: 169; Wight 2006, 2007; Joseph 2000, 2004, 2006, 2007; Potamäki, Wight 2000]. Именно она диктует фундаментальную общность теоретических построений в рамках современной ТМО, какие бы жесто-

чённые дискуссии ни разгорались между приверженцами отдельных направлений (классический пример — спор между сторонниками реализма и либерализма, но сюда же относятся и дебаты между позитивистами и постпозитивистами) [Patomäki, Wight 2000: 222; Yalvaç 2010: 169]. По мнению критических реалистов, эти споры вращаются главным образом вокруг второстепенных вопросов, неправильно истолкованных взглядов оппонентов и не до конца отрефлексированного понимания методологических оснований собственной позиции. Они утверждают, что именно позитивистская философская традиция задаёт жёсткие рамки для научного поиска внутри доминирующих в современной ТМО подходов, обуславливает ограниченность их выводов и практической полезности.

Критические реалисты пишут, что ключевой характеристикой, объединяющей на практике все господствующие в западной ТМО подходы, является юмовский эмпириокритицизм, то есть сведение реальности либо к тому, что доступно человеку в опыте и ощущениях (эмпирический реализм), либо к тому, что доступно в дискурсе (лингвистический реализм) [Joseph, Wight 2010: 9; Patomäki, Wight 2000: 218–220, 222]. Речь идёт о принципиальном отвержении возможности познания реальности вне доступного человеческому опыту/дискурсу, что, в крайних проявлениях подобного подхода, ведёт к отрицанию существования объективной реальности до и вне человеческого познания. Все ненаблюдаемые, недоступные непосредственному ощущению/восприятию явления, механизмы, структуры, всё то, что единственное и может позволить приблизиться к пониманию логики и принципов развития международных отношений, оказывается априорно исключённым из анализа [Joseph, Wight 2010: 17].

Эту методологическую позицию, сводящую все онтологические вопросы к вопросам эпистемологии, Р. Бхаскар называл «эпистемологическим заблуждением» (epistemic fallacy) [Archer, Bhaskar, Collier et al. 2013: 27]. С точки зрения онтологии позитивизм в духе юмовского эмпириокрити-

цизма оборачивается антиреализмом [Yalvaç 2010: 178]. Что касается эпистемологии, его результатом оказывается уплощённое, поверхностное восприятие международной реальности, которое ограничивается анализом событийного уровня. Задачей международных исследований при таком подходе оказывается поиск и выявление постоянно повторяющихся/внеисторических эмпирических закономерностей и построение на этой основе прогнозов на будущее [Joseph, Wight 2010: 18; Yalvaç 2010: 169].

Трактовка эмпирической закономерности в данном случае оказывается тесно связанной со специфическим пониманием каузальности, присущим позитивистской (в описанном выше широком понимании) традиции. Под эмпирической закономерностью понимается особый тип отношений между чётко идентифицируемыми событиями/атомарными объектами, связанными по принципу: если происходит А, то должно произойти В [Isaac 1987: 7; Joseph, Wight 2010: 16]. Или, говоря более развёрнуто, экспланандум (то, что подлежит объяснению) является логическим (и неизбежным) следствием/результатом общего закона и реализации совокупности условий, которые вместе образуют эксплананс (объяснение). Такая трактовка каузальности открывает возможность для построения прогнозов: если мы можем объяснить В, мы можем его предсказать [Isaac 1987: 20; Patomäki, Wight 2000: 227].

Ярким воплощением этих установок и принципов в ТМО является неореализм, сосредоточенный на изучении закономерностей взаимодействия атомарных субъектов (национальных государств). Как подчёркивают критические реалисты, именно к этому взаимодействию субъектов сводится в рамках неореализма понятие «структуры» международных отношений [Joseph, Wight 2010: 16–17; Yalvaç 2010: 172–173]. История международных отношений предстаёт как цепь постоянно повторяющихся явлений, в рамках которой никакие качественные перемены невозможны (в частности, анархический характер междуна-

родных отношений всегда порождает и будет порождать баланс сил) [Waltz 1979: 66]. На этом, по сути, антиисторичном понимании природы международной политики строятся и современные представления об исторически сменявших друг друга системах международных отношений и попытки прогнозирования развития мировой политики [Yalvaç 2010: 178].

Парадоксальным на первый взгляд образом в рамки этой исследовательской программы, по мнению критических реалистов, полностью вписываются и постмодернистские подходы. Они доводят до логического конца идею, что мы можем познавать окружающий мир только посредством некоторых описаний (концептуально нагруженных, дискурсивных по своей природе), утверждая, что никакой «объективной» реальности до и вне дискурса не существует [Об особенностях постмодернистских подходов см. подробнее: Конышев, Сергунин 2013]. Как таковая, постмодернистская методология таит в себе несколько взаимосвязанных и негативных для науки о международных отношениях тенденций. В свете изучения практики международных отношений она оборачивается своеобразным солипсизмом: мы можем изучать только дискурсивные практики, не ставя вопроса об их связи с какой-либо реальностью, существующей как «вещь в себе»; как таковой дискурс не может заблуждаться относительно своего объекта, поскольку и объект, и субъект познания являются неотъемлемыми элементами этого дискурса, конструируются им. В контексте изучения теории международных отношений она оборачивается эпистемологическим релятивизмом, утверждением идеи о принципиальной несовместимости конкурирующих парадигм и дискурсов о международных отношениях потому, что каждый из них сам конструирует свой объект и предмет и не существует никакой внешней реальности, приложение к которой позволяло бы верифицировать содержание тех или иных нарративов [Patomäki, Wight 2000: 217].

Не выходит за рамки этой исследовательской программы, по мнению критиче-

ских реалистов, и конструктивизм, который можно рассматривать как попытку занять срединную позицию между крайностями эмпирического реализма, с одной стороны, и лингвистического реализма — с другой; равно как и попытку примирить крайности индивидуализма (неореализм) и холизма (мир-системный подход), если говорить о проблеме агент-структура. Отдавая должное концепции А. Вендта, критические реалисты указывают, что эта попытка прийти к некоему глобальному компромиссу в ТМО, полностью оставаясь в русле позитивизма, изначально была обречена на провал. Как подчёркивают Х. Патомäки и К. Уайт: «Синтез, основанный на двух спорных метафизических системах, заканчивается синтезом двух спорных метафизических систем, а не более совершенной метафизической позицией» [Patomäki, Wight 2000: 215]. С позиций критического реализма фундаментальным недостатком конструктивизма, который позволяет однозначно идентифицировать его с позитивистской философской традицией, является сведение им понятия «структуры» к интерсубъективной деятельности [Joseph, Wight 2010: 20–21; Yalvaç 2010: 172–173]. Результатом становится всё то же смешение онтологических и эпистемологических вопросов, сосредоточенность на наблюдаемом поведении субъектов.

Наконец, в рамки этой общей исследовательской программы, по мнению критических реалистов, полностью вписываются и «вторые большие дебаты» в ТМО, поскольку как представители традиционных нарративных подходов, так и «модернисты», осознанно или нет, стояли на позициях эмпириокритицизма [Patomäki, Wight 2000: 222; Yalvaç 2010: 169]. В частности, их объединяло отмеченное выше уплощённое понимание каузальности как имеющей дело лишь с эмпирическими закономерностями, регулярно повторяемыми сочетаниями явлений.

Подобная концептуализация истории и содержания развития западной ТМО позволяет по-новому взглянуть на комплекс вопросов о роли и значении количествен-

ных методов в международных исследованиях, обозначенный в начале статьи. До тех пор, пока они остаются в заложниках позитивистской философии, количественные методы, на какие бы сложные и нюансированные математические и статистические модели они бы ни опирались, остаются так же далеки от понимания и объяснения международных процессов и явлений, как и традиционные нарративы. Как отмечают в этой связи представители критического реализма: «причина [явления. — *Прим. Н. Ю.*] представляет из себя нечто, совершенно отличное от ковариации» [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 54]. Статистическая корреляция сама по себе ничего не может сказать о том, являются ли отношения между объектами/явлениями внутренне и сущностно необходимыми или же формальными и случайными, ситуативными — ответ на этот вопрос не может быть умозрительным, а должен опираться на анализ конкретной ситуации [Patomäki, Wight 2000: 228–229; Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 46]. Речь идёт о том, что научное объяснение не может ограничиваться работой с эмпирическими наблюдениями, констатацией, что за А обычно (с определённой вероятностью) следует В, а должно ставить трансфактуальные вопросы о том, какие генеративные механизмы стоят за рассматриваемым явлением [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 58].

Более того, с точки зрения критического реализма до тех пор, пока количественные методы остаются в плену позитивистской философии, они остаются заложниками неизбывного субъективизма, как бы ни пытались его избежать: сведение реальности исключительно к тому, что доступно наблюдению, чувственному восприятию, замыкает весь процесс научного познания на субъекте, способном чувствовать и наблюдать [Patomäki, Wight 2000: 217].

Есть ли выход из этого плена?

З

Выход из тупика, в котором оказались исследования международных отношений и, шире, западные общественно-гумани-

тарные науки, лежит, по мнению сторонников критического реализма, в переводе их на качественно иные философские основания, в общем виде сформулированные в трудах Р. Бхаскара. В рамках данной статьи не представляется возможным дать подробную характеристику всему комплексу теоретических установок критического реализма и их более частных следствий, поэтому далее будут кратко охарактеризованы ключевые его положения.

Фундаментальное отличие философии критического реализма от юмовского эмпириокритицизма и, в целом, позитивизма заключается в принципиальном признании критическими реалистами существования объективной реальности до и вне человеческого познания [Joseph, Wight 2010: 11; Yalvaç 2010: 169].

Плоской онтологии позитивизма, сводящей все онтологические вопросы к эпистемологии, критический реализм противопоставляет картину сложной многоуровневой реальности. Непосредственному человеческому наблюдению доступна область фактического/эмпирического, данного в опыте и ощущениях. Именно с этим уровнем реальности работают исследователи, мыслящие в рамках позитивистской философии. В то же время одной этой областью реальность не исчерпывается. Под ней скрывается область действительного (actual), охватывающая в том числе явления, не доступные наблюдениям/ощущениям [Yalvaç 2010: 169]. Наконец, в основе всех явлений, как природных, так и социальных, лежит область реального (real), область генеративных механизмов, порождающих явления [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 20; Joseph, Wight 2010: 10; Jessop 2010: 187–188]. Генеративные механизмы, в свою очередь, выступают неотъемлемым свойством любого объекта, свойством, проистекающим из его [материальной. — *Прим. Н. Ю.*] структуры [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 55].

Подобное восприятие реальности позволяет исследователям по-новому взглянуть на проблему каузальности, которая в рамках критического реализма трактуется

не как свойство отношений между объектами или явлениями, а как имманентное свойство объекта, которое присуще ему в силу его природы [Isaac 1987: 46–47; Patomäki, Wight 2000: 223; Yalvaç 2010: 170; Sayer 2012: 181–182]. Она присутствует как в случаях, когда А влечёт за собой В, так и в случаях, когда этого не происходит.

В этой связи критические реалисты указывают на необходимость различать отношения внешние (случайные) и внутренние (субстанциальные), при этом последние делятся на симметричные и асимметричные [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 45–47]. В отличие от внешних, формальных отношений, которые могут носить совершенно случайный характер, субстанциальные отношения характеризуют реальную связь между объектами, которая обусловлена их природой и без которой они не могут существовать.

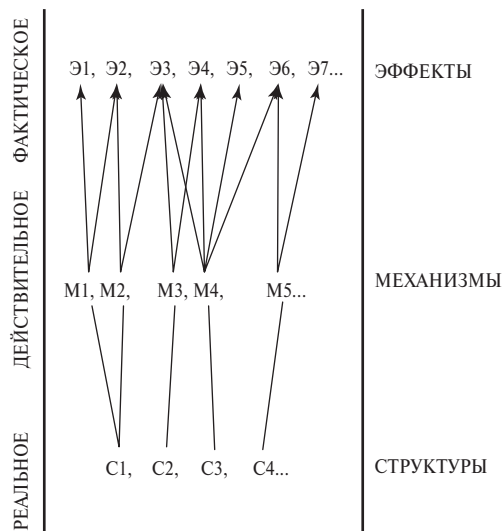
Внутренними, субстанциальными являются отношения между объектом (его структурой, природой) и его механизмами. С их выявлением и анализом связан процесс изучения реального уровня действительности.

Внешний характер, по мнению критических реалистов, носят связи между механизмами и их эффектами, которые имеют место на уровне фактического. Для производства эффекта механизм должен быть активирован. В то же время будет он активирован или нет; и если да, то какой эффект произведёт (именно этими эффектами и становятся эмпирически наблюдаемые события / уровень фактического), если произведёт вообще – зависит от конкретного, непредсказуемого сочетания условий, обусловленного тем, что одновременно в области действительного действует множество разнонаправленных генеративных механизмов [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 54–55].

Один из наиболее авторитетных исследователей методологии критического реализма, А. Сайер, иллюстрирует эту мысль с помощью следующей схемы (рис. 1).

В неспособности различать разные виды каузальности, в сосредоточенности на установлении жёстко детерминированных кау-

Рисунок 1
Структуры, механизмы, эффекты



Источник: составлено автором на основе [Sayer 1992; 117].

зальных связей по принципу «если А, то В» и попытках конструирования на этой основе внеисторичных закономерностей, обвиняют сторонники критического реализма представителей традиционных, позитивистских подходов. С точки зрения критического реализма при анализе социальных процессов речь должна идти не о жёстко детерминированных связях, а о тенденциях. Целью научного познания должно быть не изучение эмпирических событий, а изучение генеративных механизмов функционирования объектов, лежащих в основе этих событий [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 54–58; Joseph, Wight 2010: 19].

Эта сложная, многослойная картина реальности присуща в равной мере как миру природы, так и социальному миру. На этом основании критические реалисты указывают на необходимость различать *переходное* и *непереходное* измерения научного познания [Joseph, Wight 2010: 13; Yalvaç 2010: 171]. Объективная реальность, всё то, что существует до и вне человеческой деятельности, формирует непереходный объект познания. Именно принципиальное признание наличия этой объективной реаль-

ности в рамках критического реализма, на наш взгляд, полностью выбивает почву из-под ног эпистемологического релятивизма. Проверка на практике соответствия тех или иных научных гипотез этой объективной реальности предстаёт главным средством их оценки и верификации, это тот самый универсальный критерий сравнения, на отсутствие которого ссылаются сторонники идеи несопоставимости теорий [Yalvaç 2010: 173–174]. Впрочем, сами критические реалисты занимают несколько непоследовательную позицию.

По их мнению, помимо непереходного объекта познания, существует и переходный, к которому относятся все наши знания о непереходном объекте (теории, концепции, термины), собственно — научный дискурс [Patomäki, Wight 2000: 224]. Критические реалисты указывают на имманентную связь этого дискурса с социально-историческим контекстом, заключая, что любое научное знание по природе своей является неполным, несовершенным, что оно всегда подвержено различным ограничениям (например, связанным с уровнем развития технологий, доступных в тот или иной исторический период), отрефлексированным и неотрефлексированным внешним воздействиям (интеллектуальная мода, методологическая ограниченность, политический заказ) [Joseph, Wight 2010: 13] — а потому ни одна научная парадигма или теория не может претендовать на звание истинной, не может настаивать на вытеснении всех остальных. В итоге критические реалисты признают и принимают неизбежность эпистемологического релятивизма [Patomäki, Wight 2000: 226–227].

Возможно, здесь имеет место не совсем удачный выбор ими термина — и правильное было бы говорить в данном случае об эпистемологическом плюрализме, но никак не о релятивизме. В то же время речь идёт не о случайной терминологической неточности, а о проблемах гораздо более масштабных, с которыми сталкивается критический реализм в западном академическом сообществе. Они будут рассмотрены более предметно в следующем разделе.

Сейчас же остановимся ещё на нескольких ключевых элементах рассуждений критических реалистов. Помимо отмеченной глубины, объективная реальность, по их мнению, отличается стратифицированностью и многослойностью [Patomäki, Wight 2000: 230]. Иными словами, реальность характеризуется иерархической структурой. Более высокие страты формируются в результате действия генеративных механизмов базовых. В то же время они несводимы к этим механизмам, обладают собственными эмерджентными свойствами, собственными генеративными механизмами и логикой развития [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 58–62; Joseph, Wight 2010: 12]. В частности, процессы в общественной сфере не могут быть сведены в своём объяснении к биологическим особенностям строения людей (их физиологии и психологии), хотя в значительной мере ими определяются. Политические и ментальные процессы также несводимы к экономическим отношениям между людьми, хотя от них зависят. Это последнее обстоятельство особенно акцентируют сторонники критического реализма, подчёркивая отличие своей исследовательской программы от редукционистского прочтения марксизма, стремящегося свести объяснение всех социальных, политических и идеологических феноменов к экономике [Joseph, Wight 2010: 18–19].

С другой стороны, восприятие реальности как многослойной иерархической структуры позволяет критическим реалистам противопоставить свою исследовательскую программу построениям конструктивистов. В данном случае речь идёт о принципиальном признании несводимости социальных отношений к интерсубъективной деятельности акторов [Patomäki, Wight 2000: 225; Joseph, Wight 2010: 14–16, 20–21]. Социальная реальность предстаёт как объективная данность, существующая вне деятельности субъектов, но при этом зависящая от неё. В этом отношении её можно и нужно рассматривать как непереходный объект научного познания.

Задачей научного познания в этом контексте становится установление и изуче-

ние связей между различными областями и уровнями реальности. В естественных науках этой цели служит эксперимент. В общественно-гуманитарных науках, по мнению критических реалистов, эксперимент невозможен, поскольку речь идёт о феноменах, разворачивающихся в имманентно открытых системах, и главным инструментом познания становится абстракция [об этом см. подробнее: Danermark, Ekström, Karlsson 2005].

Таким образом, кредо критического реализма в целом характеризуется тремя взаимосвязанными составляющими: 1) онтологический/трансцендентальный реализм (признание существования объективной реальности до и вне человеческой деятельности, которая может быть полностью или частично недоступна человеческому восприятию и познанию); 2) эпистемологический релятивизм/оппортунизм (признание имманентной социально-исторической обусловленности любого знания, его относительность, фаллибилизм); 3) эмансипаторская критика (следует из второго утверждения и означает готовность исследователя критически оценивать доминирующие в обществе ценности и идеи) [Patomäki, Wight 2000: 224–225; Roberts 2001: 668].

Только последовательный перевод современных общественно-гуманитарных наук вообще и международно-политических исследований в частности на эти общепризнанные принципы открывает, по мнению критических реалистов, возможность для выведения их из эпистемологического тупика, в котором они оказались. Без этого бесперспективным будет оставаться и спор о методах международных исследований, который по своему характеру остаётся исключительно частным и инструментальным. Как справедливо отмечают в этой связи Х. Патомäки и К. Уайт: «эпистемологические спекуляции в онтологическом вакууме, в лучшем случае, являются субъективными и с неизбежностью ведут к бесплодным и изматывающим дискуссиям на эпистемологической почве» [Patomäki, Wight 2000: 227].

Как можно оценить этот рецепт по выводу международных исследований из кризиса, предлагаемый критическими реалистами?

4

В целом исследовательская программа критического реализма в том виде, в котором она изложена в современных зарубежных теоретических исследованиях, производит двойственное впечатление.

С одной стороны, критические реалисты, полностью оправдывая эпитет «критический», вскрывают недостатки, присущие парадигмальным для современной ТМО подходам, а также ограниченность философских оснований, на которых эти подходы строятся. В связи с этим анализ современной ТМО через призму критического реализма полезен тем, что позволяет показать фундаментальное единство всех господствующих в ней подходов (реализм, либерализм, конструктивизм, постмодернизм). Это позволяет диагностировать современное состояние международно-политических исследований, а значит, наметить пути к их «оздоровлению».

С другой стороны, критический реализм пока не в полной мере годится на роль «лекарства». Прежде всего это связано с половинчатостью выводов и непоследовательностью идей, предлагаемых его приверженцами в качестве альтернативы традиционным подходам. В этом отношении критический реализм в чём-то повторяет судьбу постмодернизма: в работах его сторонников много критики, хорошей, справедливой, аргументированной, но мало конструктивных предложений и конкретики в том, что касается возможностей операционализации выдвинутых идей, либо же эти предложения оборачиваются неоднозначными выводами.

В связи с этим обращают на себя внимание несколько взаимосвязанных тезисов, в той или иной мере разделяемых критическими реалистами.

Во-первых, как было указано выше, критические реалисты утверждают, что окружающая нас объективная реальность пред-

ставляет собой иерархическую структуру, где одни слои реальности являются базисом для других. Исходя из этого тезиса логично было бы предположить, что одной из первоочередных задач исследователя должно быть выявление и изучение их взаимосвязей в системном единстве. Вместо этого критические реалисты склонны акцентировать идею о несводимости одного уровня реальности к его базису, о возможности и необходимости рассматривать каждый из них отдельно [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 58–62 Joseph, Wight 2010: 12]. В итоге на выходе получается методология, которая характерна для политологических, исторических и социологических исследований, написанных в позитивистском русле [см., например: Mann 1986: 1–32]: мы видим всё те же, абсолютно равноценные по своему значению, сферы, области реальности (социальная, экономическая, политическая, идеологическая), каждая из которых имеет собственную логику и динамику развития.

Во-вторых, речь идёт о признании критическими реалистами сложной природы каузальности, которая проявляется в открытых системах (в частности, в системе международных отношений) и в неспособности постичь которую они обвиняют представителей традиционных подходов. Дело в том, что для самих критических реалистов утверждение этого нового, более глубокого понимания каузальности означает не новые возможности для познания социальных процессов и явлений, а дополнительные ограничения. В конечном счёте они приходят к выводу о принципиальной невозможности прогнозирования в сфере социальных отношений (в широком смысле), поскольку производство эффектов на уровне фактического/эмпирического оказывается результатом непредсказуемого сочетания разнонаправленных генеративных механизмов и их эффектов. В итоге критический реализм приводит к тем же (в практическом отношении) выводам, что и, например, постмодернистские исследования международных отношений: что предсказать ничего нельзя, что уделом исследова-

телей остаётся ретроспективный анализ уже произошедших событий [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 62–70].

В-третьих, следует отметить, что хотя критические реалисты в своих построениях уделяют подчёркнутое внимание философским проблемам, что именно ограниченности и ущербности философских оснований позитивистской традиции в ТМО они противопоставляют свою исследовательскую программу, их базовые онтологические и эпистемологические установки вызывают серьёзные нарекания. Обращают на себя внимание рассуждения критических реалистов о переходном и непереходном объектах научного познания. Отличительной чертой последнего, по их мнению, является неизменность [Patomäki, Wight 2000: 224; Yalvaç 2010: 171]. Этот тезис, по существу, никак не аргументируется и не объясняется, никак не выводится из иных положений критического реализма, выдвигаясь в виде аксиомы. Здесь имеет место смешение двух принципиально разных проблем: признания существования самостоятельной, не зависящей от человеческой деятельности объективной реальности, и определения её существенных характеристик. Из признания факта существования реальности до и вне человеческого познания никак не может следовать вывод о её статичности, поскольку эти вопросы лежат в разных плоскостях. Итогом их смешения становится фундаментально статичная методология познания, которая по природе оказывается неспособной в полной мере осмыслить социальные процессы и явления в динамике и которая является такой же антиисторичной, как и построения позитивистов.

К этим сугубо научным проблемам современных интерпретаций критического реализма можно добавить несколько гораздо более «приземлённых» замечаний, которые в то же время позволяют понять и объяснить первые.

Так, стоит отметить обтекаемость, дипломатичность и уклончивость формулировок критических реалистов, начиная с самого Р. Бхаскара. Дело в том, что за всеми эпита-

тами к слову «реализм» (научный, критический, онтологический, трансцендентальный, эмпирический, лингвистический), которыми снабжены рассуждения критических реалистов, скрывается в действительности спор между идеалистической и материалистической традициями в философии. Работы критических реалистов, хоть и завуалированно, проводят мысль, что вся современная западная теория международных отношений построена на идеалистической философской традиции. С этой точки зрения реалисты, либералы и конструктивисты должны рассматриваться как представители объективного идеализма (в отдельных случаях — агностицизма), а постмодернистские подходы предстают как относительно новое прочтение идеализма субъективного, граничащего с солипсизмом. В этом отношении сам критический реализм оказывается лишь попыткой вернуть в западный академический мейнстрим материалистическую традицию². То, что современным материалистам приходится прибегать к подобному эзопову языку, старательно избегая в своих работах страшного слова «материя», говорит о том, что материализм остаётся во многом табуированной на Западе темой, а декларируемый плюрализм мнений имеет на самом деле вполне конкретные границы допустимого.

Именно этим стремлением в том или ином виде вписать материализм в западный академический дискурс объясняются нарочитые усилия критических реалистов, призванные показать, что их подход существенно отличается от марксизма (отсюда акцент на идее о несводимости объяснений развития одной страны особенностями её базиса, подчёркнутое осуждение редукционизма) [Joseph, Wight 2010: 3; Yalvaç 2010:

171]. Именно этим объясняются абсурдные, в контексте изложенных выше методологических принципов критического реализма, утверждения, что он вполне совместим с тем же классическим реализмом в ТМО [Joseph, Wight 2010: 4]. Именно этим, наконец, объясняется половинчатость и непоследовательность собственных построений критических реалистов.

В частности, пораженческие выводы современных апологетов критического реализма относительно нецелесообразности изучения различных уровней реальности в их *иерархической взаимосвязи* и невозможности прогнозирования социальных явлений носят преждевременный характер. Они объясняются вовсе не тем, что в своих исследованиях критические реалисты исчерпали все возможности материалистической философии, достигнув её объективных пределов, а тем, что они не смогли или не захотели этими возможностями воспользоваться. В этом отношении обращает на себя внимание практически полное отсутствие упоминания в работах критических реалистов понятия диалектики.

Своеобразным признанием наличия этой проблемы может служить выход в свет, спустя почти двадцать лет после публикации первых фундаментальных работ, излагавших принципы критического реализма, монографии Р. Бхаскара, специально посвящённой диалектике [Bhaskar 1993]. Впрочем, эта работа не смогла принципиально изменить сложившихся тенденций в исследованиях критического реализма, которые по-прежнему отличаются недостаточной диалектичностью, статичностью, что признают и западные учёные [Roberts 2001]. Между тем, возможно, именно обращение к диалектике могло бы

² В этом контексте можно было бы возразить, что традиция (нео)марксистских исследований формально никогда не прерывалась в западной политологической мысли, богато представлена монографическими работами и целым рядом специализированных периодических изданий и в этом отношении не может рассматриваться как незаслуженно забытая. Заметим, что, *во-первых*, вопрос о том, насколько марксистскими и материалистическими являются эти работы, остается открытым; *во-вторых*, наличие специализированных периодических изданий для «своих» лишь подчёркивает маргинальный, сегрегированный статус этих концепций, которые редко становятся предметом широкого обсуждения в международно-политической науке.

позволить решить большую часть отмеченных проблем и недостатков критического реализма, хотя эта гипотеза нуждается в дальнейшей проработке.

Пока же приходится констатировать, что критический реализм в современном виде едва ли в состоянии реализовать поставленные перед собой цели и дать настоящему рабочую альтернативу традиционным позитивистским подходам. В то же время это утверждение никак не отменяет, как минимум, двух заслуг критического реализма: *во-первых*, он позволяет убедительно показать изначальную ограниченность теоретических и прикладных возможностей позитивистских исследований международных отношений; *во-вторых*, он обозначает направление для научных поисков, которое теоретически позволяет отойти от традиционных установок и стереотипов.

* * *

С точки зрения дискуссии о методах, которая развернулась на страницах журнала «Международные процессы», взгляд через призму критического реализма представляется небезынтересным сразу по нескольким причинам.

Во-первых, он возвращает нас к сути всех больших дебатов в ТМО. В данном случае за фасадом спора о методах скрывается гораздо более фундаментальный вопрос о том, какими должны быть международные исследования, чтобы иметь право называться наукой. Именно против претензий сторонников количественных методов на нахождение единственного правильного ответа на этот вопрос — через квантификацию, придание международным процессам и явлениям количественной определённости — выступают сторонники традиционных нарративных подходов.

Во-вторых, методология критического реализма даёт возможность посмотреть на эту полемику со стороны, под принципиально иным углом зрения. Такая перспектива позволяет показать, что в действи-

тельности как участники спора о методах, так и вообще все господствующие в современной ТМО подходы (/нео/реализм, /нео/либерализм, конструктивизм, постмодернизм) находятся в одной и той же системе координат, определяемой их принадлежностью к идеалистической философской традиции. Как следствие, в основе своей эти подходы и позиции отличаются фундаментальным единством. Все они разделяют схожие эпистемологические установки, которые в конечном счёте определяют весьма ограниченный практический потенциал всех этих подходов, когда речь идёт об изучении и объяснении международных реалий, не говоря уже об их прогнозировании.

В результате обращение к методологии критического реализма позволяет заключить, что в силу описанных обстоятельств в настоящий момент спор о методах решения не имеет. До тех пор, пока и качественные, и количественные методы международных исследований будут исходить из положений идеалистической философии, как взятые по отдельности, так и совмещённые в той или иной пропорции, они будут предлагать в лучшем случае ограниченные объяснения, в худшем — приводить к ошибочным выводам.

Наконец, обращение к методологии критического реализма позволяет наметить пути выхода из этого тупика. При этом важно подчеркнуть, что сам критический реализм в современном его состоянии, в силу половинчатости выводов и предложений, статичности теоретических установок, не даёт готовых решений. Тем не менее он указывает направление для дальнейших поисков. Этим направлением может стать обращение к недоиспользованному потенциалу материалистической философии. Причём, в отличие от немного наивного, статичного материализма критических реалистов, речь должна идти о материализме диалектическом, способном охватить и осмыслить международные процессы и явления в их динамике.

Список литературы

- Дегтерёв Д.А. «Второй большой спор» в контексте становления российской науки о международных отношениях // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 43–62.
- Истомин И.А., Байков А.А., Худолей К.К. Международные отношения. Наука без метода? // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 63–90.
- Коньшев В.Н., Сергунин А.А. «Постпозитивистская революция» и философия мировой политики // *Философские науки*. 2013. № 9. С. 54–64.
- Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма (предисловие О. Ананьина) // *Вопросы экономики*. 2006. № 2. С. 75–98.
- Фененко А.В. Статистика против истории // *Международные процессы*. 2018. № 3. С. 56–83.
- Фигура А.О. Критический реализм: методологическая альтернатива для социальных наук // *Омский научный вестник*. 2012. №1. С. 114–117.
- Фигура А.О. Онтологические основания социальной реальности в концепции трансцендентального реализма Р. Бхаскара // *Вестник Омского университета*. 2012. №1. С. 35–39.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория международных отношений и образ желаемого завтра // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 8–18.
- Archer M., Bhaskar R., Collier A., Lawson T., Norrie A. *Critical realism: essential readings*. Hoboken, Taylor and Francis, 2013. 785 p.
- Bhaskar R. *A realist theory of science*. Leeds: Leeds Books, 1975. 258 p.
- Bhaskar R. *Dialectic: the pulse of freedom*. London: Verso, 1993. 419 p.
- Bhaskar R. *The possibility of naturalism: a philosophical critique of the contemporary human sciences*. London: Routledge, 1979. 194 p.
- Danermark B., Ekström M., Karlsson J. *Explaining society: critical realism in the social sciences*. New York: Routledge, 2005. 228 p.
- Isaac J.C. *Power and Marxist theory: a realist view*. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 238 p.
- Jessop B. World market, world state, world society: Marxian insights and scientific realist interrogations / *Scientific realism and international relations* // Ed. J. Joseph, C. Wight. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 186–202.
- Joseph J. 'A realist theory of hegemony' // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2000. Vol. 30. No. 2. P. 179–202.
- Joseph J. 'Foucault and reality' // *Capital & Class*. 2004. Vol. 82. P. 141–163.
- Joseph J. *Marxism and social theory*. London: Palgrave Macmillan, 2006. 171 p.
- Joseph J. Philosophy in international relations: a scientific realist approach // *Millennium: Journal of International Studies*. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 345–359.
- Joseph J., Wight C. *Scientific realism and international relations / Scientific realism and international relations* // Ed. J. Joseph, C. Wight. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 1–30.
- Mann M. *The sources of social power*. Vol. 1. London: Cambridge University Press, 1986. 549 p.
- Mattern J.B. The concept of power and the (un)discipline of international relations / *The Oxford handbook of international relations* // ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2008. 772 p.
- Mearsheimer J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 427–457.
- Patomäki H. After international relations: critical realism and the (re)construction of world politics. London: Routledge, 2003. 267 p.
- Patomäki H., Wight C. After postpositivism?: the promises of critical realism // *International Studies Quarterly*. 2000. Vol. 44. No. 2. P. 213–237.
- Roberts J.M. Critical realism and the dialectic // *British Journal of Sociology*. 2001. Vol. 52. No. 4. P. 667–685.
- Sayer A. *Method in social science: a realist approach*. London: Routledge, 1992. 313 p.
- Sayer A. Power, causality and normativity: a critical realist critique of Foucault // *Journal of Political Power*. 2012. Vol. 5. No. 2. P. 179–194.
- Waltz K.N. *Theory of international politics*. New York: Random House, 1979. 251 p.
- Wight C. *Agents, structures and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 340 p.
- Wight C. A manifesto for scientific realism in ir: assuming the can-opener won't work! // *Millennium: Journal of International Studies*. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 379–398.
- Yalvaç F. Critical realism, international relations theory and Marxism / *Scientific realism and international relations* // Ed. J. Joseph, C. Wight. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 167–185.

SEARCHING FOR SCIENCE OF INTERNATIONAL RELATIONS

INSIGHTS FROM CRITICAL REALISM*

NIKOLAY YUDIN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

A serious academic debate in general, let alone on theoretical and methodological issues, is rare for both Western and Russian peer-reviewed journals. In the context of discussion, launched by a polemical article by a prominent Russian IR expert Alexey Fenenko, published in 2018 in the 'International Trends' journal, is more important and noteworthy. Nominally both this article and the subsequent responses from Denis Degterev, Igor Istomin, Andrey Baykov and Konstantin Khudoley focused on a long-running dispute between the proponents of quantitative and qualitative methods in IR studies. However, the true essence of this discussion, as well as its implications, goes far beyond a mere technical argument about methods. The present article examines this discussion as well as developments in contemporary IR theory through the lens of critical realism (CR). The first section considers the arguments of the discussants and shows that they tend to focus on secondary, technical issues leaving out the key subject of the dispute, i.e. how should international studies be organized in order to have a right to be called a science. In order to bring this issue back into the spotlight and to provide a new perspective on the issue, the second section considers the problem field of the contemporary IR theory from the viewpoint of CR. According to critical realists all predominant approaches in the mainstream IR theory are rooted in the Humean empiricism which to a large extent explains both epistemological and practical limitations of the contemporary IR studies. As an alternative, they advance the ideas of the founder of critical realism, British philosopher R. Bhaskar. The third section examines the key epistemological and ontological provisions of CR, which include the fundamental recognition of objective reality, existing prior to and beyond human activities, reality, which is stratified and differentiated. They also entail a specific perception of causality and of possible limits of cognoscibility and predictability of social phenomena. Nonetheless the article is far from a straightforward apology of critical realism. The fourth section identifies certain weaknesses of contemporary interpretations of CR in the context of IR theory, which include a static nature of their methodology and inconsistency of their implications. The author concludes that the major contribution of CR to the IR theory lies in providing a clear path for further research – that is development of materialist theories and approaches.

Key words:

theory of international relations; second great debate; quantitative methods; Critical Realism; R. Bhaskar; neorealism; constructivism; positivism; materialism.

References

- Archer M., Bhaskar R., Collier A., Lawson T., Norrie A. (2013). *Critical realism: essential readings*. Hoboken: Taylor and Francis. 785 p.
- Bhaskar R. (1975). *A realist theory of science*. Leeds: Leeds Books. 258 p.
- Bhaskar R. (1979). *The possibility of naturalism: a philosophical critique of the contemporary human sciences*. London: Routledge. 194 p.
- Bhaskar R. (1993). *Dialectic: the pulse of freedom*. London: Verso. 419 p.
- Danermark B., Ekström M., Karlsson J. (2005). *Explaining society: critical realism in the social sciences*. New York: Routledge. 228 p.
- Degterev D.A. (2019). «Vtoroy bol'shoy spor» v kontekste stanovleniya rossiiskoy nauki o mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Towards «second great debate» in Russian IR]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 2 (57). P. 43–62.

* The study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00088.

- Fenenko A.V. (2018). Statistika protiv istorii [Statistics versus history]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 3. P. 56–83.
- Figura A.O. (2012a). Kriticheskii realizm: metodologicheskaya al'ternativa dlya sotsial'nykh nauk [Critical realism: Methodological alternative for social sciences]. *Omskii nauchnyi vestnik*. No. 1. P. 114–117.
- Figura A.O. (2012b). Ontologicheskie osnovaniya sotsial'noi real'nosti v kontseptsii transtsendental'nogo realizma R. Bhaskara [Ontological foundation of social reality in the conception of transcendental realism (R. Bhaskar)]. *Vestnik Omskogo universiteta*. No. 1. P. 35–39.
- Isaac J.C. (1987). *Power and Marxist theory: a realist view*. Ithaca: Cornell University Press. 238 p.
- Istomin I.A., Baykov A.A., Khudoley K.K. (2019). Mezhdunarodnye otnosheniya. Nauka bez metoda? [International relations. Science without method?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 2 (57). P. 63–90.
- Jessop B. (2010). World market, world state, world society: Marxian insights and scientific realist interrogations. In Joseph J., Wight C. (eds) *Scientific realism and international relations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 186–202.
- Joseph J. (2000). A realist theory of hegemony. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 30. No. 2. P. 179–202.
- Joseph J. (2004). 'Foucault and reality'. *Capital & Class*. Vol. 82. P. 141–163.
- Joseph J. (2006). *Marxism and social theory*. London: Palgrave Macmillan. 171 p.
- Joseph J. (2007). Philosophy in international relations: a scientific realist approach.
- Joseph J., Wight C. (2010). Scientific realism and international relations. In Joseph J., Wight C. (eds) *Scientific realism and international relations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 1–30.
- Konyshch V.N., Sergunin A.A. (2013). «Postpozitivistskaya revolyutsiya» i filosofiya mirovoi politiki [The «post-positivist revolution» and the philosophy of world politics]. *Filosofskie nauki*. No. 9. P. 54–64.
- Lawson T. (2006). Sovremennaya «ekonomicheskaya teoriya» v svete realizma (predislovie O. Anan'ina) [A realist perspective on contemporary «economic theory» (foreword by O. Ananyin)]. *Voprosy Ekonomiki*. No. 2. P. 75–98.
- Mann M. (1986). *The sources of social power*. Vol. 1. London: Cambridge University Press. 549 p.
- Mattern J.B. (2008). The concept of power and the (un)discipline of international relations. In Reus-Smit C., Snidal D. (eds) *The Oxford handbook of international relations*. Oxford: Oxford University Press. 772 p.
- Mearsheimer J., Walt S.M. (2013). Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for international relations. *European Journal of International Relations*. Vol. 19. No. 3. P. 427–457.
- Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 35. No. 2. P. 345–359.
- Patomäki H. (2003). *After international relations: critical realism and the (re)construction of world politics*. London: Routledge. 267 p.
- Patomäki H., Wight C. (2000). After postpositivism? The promises of critical realism. *International Studies Quarterly*. Vol. 44. No. 2. P. 213–237.
- Roberts J.M. (2001). Critical realism and the dialectic. *British Journal of Sociology*. Vol. 52. No. 4. P. 667–685.
- Sayer A. (1992). *Method in social science: a realist approach*. London: Routledge. 313 p.
- Sayer A. (2012). Power, causality and normativity: a critical realist critique of Foucault. *Journal of Political Power*. Vol. 5. No. 2. P. 179–194.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2019). Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i obraz zheleaznogo zavtra [Theory of international relations and image of desired future]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 2 (57). P. 8–18.
- Waltz K.N. (1979). *Theory of international politics*. New York: Random House. 251 p.
- Wight C. (2006). *Agents, structures and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 340 p.
- Wight C. (2007). A manifesto for scientific realism in ir: assuming the can-opener won't work! *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 35. No. 2. P. 379–398.
- Yalvaç F. (2010). Critical realism, international relations theory and Marxism. In Joseph J., Wight C. (eds) *Scientific realism and international relations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 167–185.